

ВОЛЯ К НАИВНОСТИ

«За три дня до смерти безнадежно больная Наталья Поленова пыталась делать руки для будущих кукол», — вспоминает ее дочь Елена Поленова

30 июля 1998 года исполняется сто лет со дня рождения художницы Натальи Васильевны Поленовой, дочери Василия Дмитриевича Поленова. Она родилась в усадьбе своего отца на Оке в год, когда умерла ее тетка Елена Дмитриевна Поленова — именно она стояла у истоков национально-романтического варианта стиля модерн. Этот вариант во многом опирался на идеи, заложенные в отечественном народном искусстве. Елена Дмитриевна призывала «подхватить еще живущее народное творчество — мы ищем у него вдохновения и образов» в 1885 году, определяя ту «волю к наивности», которая, по мнению специалистов, станет одной из целей искусства начала XX века. Может быть, поэтому творчество Елены Дмитриевны оказало на Наталью Васильевну большее влияние, чем традиционное искусство отца. Тем более что ее учителями станут Машков, Кончаловский с их любовью к примитиву. Но быть продолжателем династии крупных художников, как правило, трудно: в какой-то момент их воздействие ощущается как своего рода вериги. О жизни и творческой судьбе Натальи Васильевны Поленовой мы беседуем с ее дочерью Еленой Анатольевной Поленовой в Государственном музее-заповеднике, носящем имя ее деда. Здесь готовится выставка и спектакль к столетию Натальи Поленовой.

Галина Загянская

Я ЗНАЮ, что Наталья Васильевна была младшей и любимой дочерью Василия Дмитриевича, которую Анастасия Цветаева назвала в своих воспоминаниях «рыжекудрая красавица Наташа». Наверное, ее детство было очень счастливым?

— В классическом понимании счастливого детства — конечно, да! Новый большой дом на Оке, напоминавший детям лес и возникший по творческой воле ее всеведущего и любящего отца, который наполнил его произведениями искусства — от Древнего Египта до современной народной резьбы по дереву. Коллекции он показывает окрестным жителям. Дети играют в куклы, сделанные еще Еленой Дмитриевной. Они называются «олюшками», так как делались для сестры Ольги...

Я и про себя могу сказать, что и мое детство было счастливым, несмотря на более трудные времена (революция, смерть дедушки, война и пр.). Ведь оно также прошло в Поленове, я нигде больше не хотела ехать. И мама однажды мне сказала: *Поленово тебя погу-*

било, как и всех нас... Как ни парадоксально это звучит, счастливое детство может потом обернуться своей гибельной стороной. Воспоминания о таком, скажем, райском детстве в Поленове были слишком яркими и становились причиной *обессиливающего воя по прошлому*, как однажды сказала мама в минуту слабости.

— Но как она преодолевала эти минуты?

— За счет работы. Еще до окончания гимназии она поступила в студию Юона, ее тянуло к систематическому рисованию. Началась первая мировая война, юная Наталья ходит по госпиталям и учит рисовать раненых. Это очень нравится отцу — ведь он, убежденный демократ-шестидесятник, именно в это время открывает в Москве Дом народного просвещения, который почему-то позже стал носить имя Крупской. А в соседней деревне Страхово они с женой строят школу, в которой есть пергородка, превращающая классы в театральные залы.

— Это просветительство действительно было убежденным. Трансформировалось ли оно в страшные революционные годы?

— Конечно. Но прежде я хочу сказать о трудном формировании Поленовой как художника, когда в отрочестве она чувствует уг-

рату непосредственности. В ранних работах возникает некоторая доля стилизации под модерн, это не нравится ее отцу. И здесь для нее в значительной мере этапом стала встреча с Михаилом Ларионовым, который пришел в восторг от ее акварелей.

Как дочь Поленова, она, с одной стороны,

была воспитана на русской реалистической традиции, а с другой — окуналась в бурную художественную жизнь и относилась к этому достаточно серьезно. «Я, несмотря на всю мою любовь к папе, — говорит она в воспоминаниях, — вся отдалась новому течению в живописи, и на долгие годы наши разговоры с ним о живописи прекратились». Та лубочная условность, которая так привлекла Наталью Васильевну в Ларионове, отцу ее страшно не нравилась, и, как она говорит, согласия у них не было никакого.

— Как вы думаете, почему Поленово не разгромили во время революции?

— Не знаю, это очень трудно сказать однозначно. После Октябрьского переворота 1917 года Поленовы окончательно переселились в Борок, как тогда на-

зывалось Поленово. И с ними по тем временам произошло нечто необычайное, чудо, если хотите... Они попросили создать сход крестьян Беховского общества, на котором прямо спросили, уезжать ли им, или остаться. Мало того, что крестьяне разрешили им остаться (Никифор Елин сказал, что Поленовы крестьянских телят не загоняли), но и выделили им землю, чтобы они смогли себя прокормить. Так мирно была решена проблема, которая тогда очень часто решалась кровью.

В какой-то момент они были на грани, когда, прослышав о приезде в Борок «чужих людей», главный страховский актер Гриша Бобров промчался наметом по Страхову с криком: «Полениху громят!» И вся деревня,

(Окончание на стр. 10)

Наталья Поленова с отцом Василием Поленовым. 1920-е гг.
Публикуется впервые.

Независимая газета,
— 1998. — 25 июля. —
— с. 9, 10

(Окончание. Начало на стр. 9)

вооружившись кто чем, бросилась защищать усадьбу. Во главе толпы были актеры, знавшие и успевшие полюбить Поленовых, и председатель сельсовета коммунист Хаботин, который очень умело агитировал бегущих не защищать, а громить, и толпа, подбегая к дому, уже не очень точно понимала, что им делать: бить или спасать. Возможно, что беспощадная стихия мятежа и возмездия бы, но совершенно случайно навстречу бегущей толпе вышла работавшая в огороде мать, Наталья Васильевна-старшая. Боясь, что толпа может перепугать больного Василия Дмитриевича, и желая задержать бегущих, она бросилась к Хаботину, схватила его за руки и стала благодарить за помощь, которой не понадобилось, так как «чужие люди» не появились. Хаботин растерялся и стал заверять «Поленых» (как ее называли в округе), что они всегда защитят, не дадут в обиду и т.д.

В роли активных защитников усадьбы выступили актеры. Зимой 1918 года на масленицу крестьяне соседнего села Страхово своими силами поставили народную драму «Шарь Максимилан» и пришли к Поленовым просить костюмов. Просьба была изложена в духе того времени: «Побольше ножинок и красного». Василий Дмитриевич, конечно, костюмы дал, а сестер Поленовых страховитяне пригласили на спектакль. После этого долгие годы сестры Поленовы работали в страховском театре.

— И какова его судьба?
— Здесь отразилась общая трагедия России. Начинается разгул цензуры, даже «Борис Годунов» попадает в список нежелательных пьес! Рушатся просветительские иллюзии сестер Поленовых, под нажимом коллективизации рвется тонкий культурный слой, который они хотели привнести в народный театр. Высокая культура и народное начало не сочетались...

Кроме того, народный театр, несущий в себе зародыш мятежа, становится советской властью опасным и оказывается под негласным запретом. Их заставляли переходить к системе Станиславского, которая для народного театра смертельна — она делает яркий лубочный, героический театр второстепенным профессиональным коллективом.

— И все-таки, получив какую то подпитку от народного театра, Наталья Васильевна решила продолжить профессиональное образование.

— Да, хотя ей приходилось выслушивать всякое про отца. Так, Машков говорил про Поленова, что «пегух и в навозе нашел жемчужное зерно». Более деликатен был Кончаловский, у которого она училась в Свободных художественных мастерских. Осмеркин, Крымов, которые ей нравились как художники и у которых она в равное время училась. А потом радикалы, так называемые производственники во ВХУТЕМАСе... Все они так или иначе воздействовали на нее, хотя иногда эти влияния были даже как бы против ее воли. В 23-м году ей пришлось бросить учебу и вернуться в Поленово ухаживать за тяжело больным отцом.

В ней было счастливое (а может быть, и несчастное, как посмотреть) сочетание художника и красивой женщины с мощной притягательной аурой. Потому совершенно естественно она становилась центром того круга, в который ее ставила судьба, особенно в молодости, конечно. И часто ей приходилось пре-

Николай Чернышев был репрессирован и погиб в 42-м году. Елизавета Александровна была сначала бухгалтером, а потом многолетним хранителем Музея В.Д. Поленова. Как дел ее Савва Мамонтов был другом и творческим союзником художника, так и она, особенно в последние годы, когда Наталья Васильевна работала над куклами и показывала свои спектакли в мастерской отца, так называемом Аббатстве, сочувствовала и помогала ей всем чем могла. Будучи глубоко и по-настоящему религиозной, она духовно поддерживала маму во время частых приступов тяжелой болезни и ухаживала за ней в самые последние дни ее жизни.

— В 27-м году умер Василий Дмитриевич Поленов. Чем была эта смерть для его дочери?

— Мама обладала недюжинным литературным даром. Много лет она вела дневники и почти все уничтожила в 37-м году после ареста брата, опасаясь за судьбу людей, упомянутых ею в дневниках. Она и ее сестры ждали каждую ночь ареста. Осталась только маленькая книжечка, где она записывала свои разговоры с отцом во время его болезни 21—22-го годов. Дневники эти свидетельствуют о любви и близости дочери и отца в последние годы его жизни.

Умер Поленов, что называется, на ее руках, в двухэтажном флигеле, в котором он начал свою жизнь в Старом Бехове, куда переехала семья после переворота. Смерть его была мучительна, но моя мать никогда не рассказывала мне о его смерти и предсмертных днях. Рассказывала только, что, закрыв отцу глаза, она вышла в березовую аллею, идущую от Южной террасы дома: «Я шла, ничего не видя перед собой, и думала, что вот мне 29 лет и жизнь моя переломилась надвое, до и после смерти папы». И так было всю оставшуюся жизнь.

— Как семья живет в последующие годы?

— Идет борьба за музей и работа в страховском театре. Время смутное, и содержать в порядке такой большой дом, ремонтировать у семьи не было возможности. Надо сказать,

«групповщиной», а ходила, носила письма и, как она выражалась, «стучала кулаком по столу» — младшая сестра Наталья. Они действовали по тем временам до безумия отважно, и, как ни странно, они победили. За подписью Молотова было отменено постановление о ликвидации музея.

В 39-м году по совету «домашнего юриста» Федора Осиповича Полтыникова семья Поленовых принесла в дар государству коллекцию, находящуюся в Большом доме, а сам дом, все подсобные строения и усадьба в 14 гектаров остались у семьи в «пожизненном пользовании», которое было «пожаловано» Василию Поленову и его семье в 24-м году и закреплено за его семьей после его смерти в 27-м.

Никто из семьи больше не был репрессирован (случались тогда такие странности), и в 40-м году, в первый раз после ареста Дмитрия Васильевича, комнаты музея были распечатаны и Поленовы опять смогли войти в свой дом...

— А как семья пережила Великую Отечественную войну?

— Мы с братом Федей жили в Поленово до сентября 1941 года, потом в Тарусе — у тетки, куда в середине октября пришли пешком из Серпухова навстречу нашей отступающей деморализованной армии младшие сестры Поленовы... Мы вместе пережили в Тарусе 16 октября, которое здесь было столь же панически красочным и жутким, как в Москве, и уйдя вчетвером (Федя, я, Наталья Васильевна и Ольга Васильевна) в Поленово за картошкой, остались там, так как немцы именно в этот день заняли Тарусу. Экспонаты музея были ими вывезены на Тарусскую станцию, там застряли и чуть не погибли под бомбежками. Таким же чудом уцелели и мы сами.

В конце декабря отбросили немцев от Москвы, и Тарусу они оставили без боя. Мама и Федя поехали в Тарусу узнать, живы ли там наши родные... В тот же день мы с Ольгой Васильевной отправились на мельницу мелять оставшиеся от лучших поленовских вре-

свои постановки, а потом куклы в ее театре совершенно вытесняют людей. В одном из писем она пишет: «Мне, увы, уже шестьдесят лет, но мне кажется, что я вот-вот встану на свой творческий путь». И тут вдруг, совсем незадолго до смерти, ее слово было прорвало. В 1958 году она делает своих первых кукол для спектакля «Сынко Филиппко». Эти куклы сделаны по иллюстрациям Елены Поленовой к народной сказке. Трогательные куклы, по материалу вначале напоминающие кукольный театр Ефимовых.

— Она работает при этом с натуры?

— Да, еще в 55-м году она пишет из Поленова: «Сейчас вернулась с Махавки, просто уду, нашла место, где был терем богатырей из «Мертвой царевны», хочу сделать ряд этюдов к ней с натуры, как было с букетами для «Костюмов». Во время дальних прогулок она собирала цветы, составляла букеты в колорит залуманных кукол, писала эти букеты и только после того приступала к эскизам. Эти куклы легли в основание Народного кукольного театра при Музее Поленова. Он работал несколько лет.

— И что снова пришли люди из соседних деревень?

— Увы... Кукловодами и актерами стали московские студенты, так как соседнее Страхово превратилось в поселок сезонных рабочих. Почти все крестьянские династии вытерли. В это время народные традиции сохраняла лишь интеллигенция. Музыку пишет мой отец композитор Александров, а бесценный режиссер всех кукольных спектаклей — Ольга Васильевна Поленова.

— Куклы были выполнены для нескольких спектаклей?

— Да. И к своим высшим достижениям она шла постепенно. Вершина ее творчества — последние постановки «Сказка о попе и работнике Балды» и «Огневушка-Поскалушка» по сказке Бажова. Примечательно, что последние куклы она делала без предварительных эскизов, и лишь потом писала их брызги гуашью. Один из показов состоялся в

ВОЛЯ К НАИВНОСТИ

что сбережения семьи во время революции погибли. На помощь пришел Большой театр во главе с тогдашним директором Еленой Константиновной Малиновской, которую балерины называли *Малышкой*. Основное здание музея становится корпусом № 1, и в втором и третьем этажах дома размещается дом отдыха ГАБТ, а сама Елена Константиновна занимает спальню Натальи Васильевны-старшей. Театр берет на себя ответственность за поддержание дома в порядке. Увы, очень быстро возникают подсобные помещения, столовая, новые корпуса, спорт и танцплощадки под самыми окнами музея...

В этот период Наталья Васильевна рисует серию карикатур на жизнь дома отдыха — карикатуры очень остроумные, иногда даже злые. Это как бы отдушина, творческий выход, чтобы не задохнуться от сравнения этих лет с ушедшим навсегда детством. А Дмитрий Васильевич Поленов совмещал должность директора музея и директора дома отдыха.

— В 37-м году Дмитрий Васильевич Поленов и его жена Анна Павловна были арестованы...

— Когда арестовали моего дядю, мы с мамой жили в Москве. Комната у нас была крохотная, и я спала в углу за ширмой. Как-то ночью я проснулась от взволнованных голосов и почувствовала что-то необычайное, какой то странный ужас. Услышав, что я проснулась, мама подошла ко мне, наклонилась и сказала каким-то нарочито будничным голосом: «Спи, спи, дядю Митю арестовали». — словно она давно этого ждала. Что, конечно, было именно так, хотя тогда я этого не понимала.

— Я видела у вас в альбоме две вырезки из газет о страховском театре после ареста Дмитрия. Там руководителем именовался И.Г. Козлов, талантливый актер, но, по словам Натальи Васильевны, могущий был предателем, а Поленовых как бы не было вовсе.

— Да, так оно и было. Вот что писала об этом Ольга Васильевна: «Тула не хотела иметь дело с «вредителями», «диверсантами», «шпионами» и прочей «мерзостью», и я уехала в Москву искать работу. Только в 1939 году я поступила работать в Дом печати». Но она уехала в Москву не одна, а увезла восьмилетнего Федора.

После ареста Дмитрия Васильевича вышло постановление, подписанное председателем Комитета по делам искусств Керженцевым, — о ликвидации музея в десятидневный срок. И только то, что в этот десятидневный срок был арестован и расстрелян сам Керженцев, приостановило действие этого постановления... Оставшиеся «на воле» сестры Поленовы начали борьбу сразу в двух направлениях — за музей и за освобождение брата. Им не пришлось в голову затанцевать и переждать. Они сразу стали писать Сталину, Молотову, Ворошилову... Подписывала письма в основном старшая сестра Екатерина, поскольку по тем временам несколько подписей считалось

мен финские лыжи «Телемарки» на мук Мельник был богатый человек. Но как раз этот день немцы беспощадно бомбили и растреивали мирное население, словно мстя свое бегство. Наши еще не успели войти в Тарусу, защищать ее было некогда... Все в Тарусе оказались живы, а мама и Федя на обратном пути чуть не погибли, попав под зенитную бомбежку. Мальчику, лежавшему рядом с Федей, оторвало голову...

Мы вернулись в Москву 31 декабря 1941 года. Этот Новый год — один из самых удивительных в нашей жизни. Дом не разбомбили соседи и друзья — жена и дочери ба на Врангеля (брата известного генерала), уплотненной квартире которых мы жили, или дома, в квартире было относительно тепло, мама достала сохраненную ею среди всего этого военного ужаса шоколадку, и мы принавали!

— Наталья Васильевна занималась творческой работой?

— Было голодно и холодно. Мама, увидев, что в Москве мы умрем с голода, верну-

этой же зимой в Поленово и стала цветными карандашами рисовать портреты страховских стариков и старух. Вель фотографий тогда нельзя было сделать, а желание оставить после себя свой образ свойственно человеку, особенно во время войны. За это ей платили «натурой», и я помню, какая была радость, когда мама привезла большой кусок сала и кувшин, набитый кислой капустой. Но и мама и тетка были очень больны, а продукты скоро кончились, и остались две больные женщины, двое детей и нечего есть... И тогда пришлось продать нашу часть библиотеки, которая осталась после ее раздела между детьми. За ведер картошки пошли Толстой, Чехов, Тургенев, Карамзин, Соловьев и другие...

Чем только не пришлось заниматься — расписывали платочки и сами торговали ими на рынке-под копытами милицейских лошадей, пытавшихся разогнать черный рынок. Делали брошки и расписывали бумажные абажуры. Единственная творческая работа — передвижная диорама «Наша Родина». Это иллюстрация к стихам русских поэтов. Я бы поставила эту работу рядом с патристическими плакатами тех времен. Вместе с Ольгой Васильевной мы ездили с этой диорамой по московским госпиталю и с большим успехом показывали ее раненым.

Как только сестры приспособились к тяготам военной жизни, они продолжили борьбу за освобождение брата. И в 1944 году Дмитрий Васильевич и его жена были освобождены досрочно.

— Может быть, помог столетний юбилей Поленова?

— Возможно. Хотя действия властей были, как известно, непредсказуемы. И все же юбилей пришелся более чем кстати, потому что Дмитрий Васильевич буквально умирал от дистрофии. Перед возвращением его какое-то время держали в больнице. Он и жена вернулись в музей. Но, увы, предстоял новый виток борьбы — теперь за выделение из музея Дома отдыха, который из друга и защитника превратился во врага и разрушителя. И в этой борьбе моя мама принимала большое участие. Особенно много сил она положила на освобождение мастерской отца, превращенной в общежитие.

— А что она делает как художник?

— Почти все мастера — Сарьян, Крымов, даже Малевич (в последних портретах) не избежали насильственного влияния социалистического реализма как варианта массовой культуры. Наталья Васильевна также этого не избежала — в 50-е годы она пишет акварелью пейзажи. И делает их с любовью, но здесь нет своего активного художественного пространства. При этом она винит себя, а не обстоятельства: «Я как-то фатально встретила столько преград и, как свойственно русской натуре, выказала неспособность отстаивать свое маленькое собственное «я». Но, на мой взгляд, она всю жизнь отстаивала свое собственное «я» — в молодости не стала актрисой, хотя была очень талантлива, боясь, что театр оторвет ее от природы. Теперь она уходит из театра в работу с куклами.

— Значит, куклы стали наиболее полным воплощением ее художественного мировоззрения?

— В идеале в кукольном театре персонажи должны стать настоящими скульптурами — это должно быть всегда, но на практике не все куклы могут быть «вычленены» из пространства пьесы без ущерба своей выразительности, и дело не в иерархии театра и скульптуры. Просто куклы в своем высшем выражении — а именно это и есть у Натальи Васильевны, не теряя театральности, приобретают еще художественную самостоятельность. Именно в поисках художественного видения, подосознательно возвращаясь в мир детства, она начинает постепенно вводить кукол в

Рисунок Александра Тышлера с куклы Натальи Поленовой «Старик-старатель». 1962 г. Публикуется впервые.

1960 году в московском Союзе художников. Сценарист Егоров сказал тогда, что видит в этом театре истинное возрождение традиции ярмарок и балаганов.

— Пройдя вхутемасовскую школу, она вернулась к лубочной стихии, которую в юности так ценила в творчестве Ларионова и Машкова. Ее творчество служит еще одним подтверждением связи русского искусства начала века с народным искусством.

— Путь народной куклы она обогатила вхутемасовской условностью и пониманием материала, и это вылилось в нечто новое, в народную образную серьезность, лишенную злого гротеска, хотя в народной стихии очень много грубого, даже неприличного. В куклах Натальи Поленовой нет издевательств, а главное — нет разочарования в жизни, что всегда присутствует в современном кукольном театре.

— К сожалению, этим грешит также прошедший вхутемасовскую школу куда более знаменитый Сергей Образцов...

— Куклы Натальи Васильевны обладают магией уподобления. Магией живого человека, воплощенной в мощной образной структуре. Это куклы Большого Стиля. Они естественно рождались из материала, который диктовал свои законы, открывающиеся в непосредственном общении с ним. Не случайно она употребляет для кукольных лиц новый материал — наждак. Новый, грубый — он требует неожиданных, только ему присущих форм: отсутствует профиль, куклы становятся монументально-фронтальными, в них возникает условность близкая к культуре древней ритуальной маски северных народов Сибири. Куклы не исчерпываются художественным пространством пьесы, но создают собственную художественную среду, собственный эстетический климат, пересадку из кукол-актеров в произведения пластического искусства. У последних кукол к «Огневушка-Поскалушке» нет тростей, художника не успела их сделать, но образы не выглядят незавершенными — они живут внутренним движением.

За два года до смерти был еще один показ в МОСХе. Вот что записала мама: «Полоблалась художники. Васильев — председатель, Лодыженский, Курилко-сын, Тышлер, Лена Фралкина, человек пятнадцать еще... Были сплошные восторги, в особенности три старателя. Такие русские, такие выразительные, так интересен материал, вспоминали иконы... Очень понравились бесы. Балда и поповна... Вообще, я захлебнулась. Только бы были силы и здоровье». На этом показе и следовал Александр Григорьевич Тышлер рисунок со старателя-цыгана, а Васильев сделала выразительную, подчеркивающую фактуру фотографии с Балды. Тышлер, восприняв эту фоту как живое творение, органический образ, существо. Так кукла стала созданной второй природой.

Мама умерла в феврале 1964 года в разгар работы, преодолевая до последних дней тяжёлую болезнь. За три дня до смерти она еще пыталась делать руки для будущих кукол.

Кукла Цыган Натальи Поленовой. 1963 г.

одолевать в себе красоту: «царевну-лебедь» (как назвал ее в письме влюбленный Михаил Морозов, знаменитый в будущем шекспировед), чтобы остаться художником. Кстати, благодаря Морозовым она хорошо знала ранние русские иконы. Их опосредованное влияние тоже ощущается в ее лучших работах.

— Она одна ухаживала за отцом? Где были остальные члены семьи в это время?

— Брат Дмитрий был директором музея, он пахал, сеял, охранял и кормил. Бывший гусар, он так любил лошадей, что сестры шутили: «Митя готов пахать на сестрах; чтобы не утомить лошадей». Сестра Екатерина жила у мужа в Тарусе, Ольга училась и работала в Москве, Мария в 1924 году эмигрировала, а мать сама была тяжело больна...

Традиции убежища продолжались и впоследствии, когда в 1945 году Дмитрий Васильевич, только что сам вернувшийся из лагеря, пригласил скитавшихся Александру Саввишну Мамонтову и ее племянницу, дочь Верушки Мамонтовой (знаменитой «девочки с персиками» Серова), Александру Дмитриевича Самарина, Елизавету Александровну Чернышеву с двумя малыми детьми. Квартиру, которая была у них в Москве, отобрали, так как

Жизнь коротка, искусство вечно

КУЛИСАНИ

Приложение к «Независимой газете» по культуре и искусству

Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор

Виктория ШОХИНА

Над номером работали:

Павел Белицкий, Елена Владимирова,

Антонина Крюкова, Владимир Халтурин

Корректра:

Нина Гайдук, Светлана Игнатова

Компьютерная верстка:

Сергей Курышев, Наталья Зинякова, Дарима Туратбекова,

Татьяна Тулупова, Надежда Романова, Константин Федюлов

Иллюстрации:

Дина Нурмухаметова, Илья Сергеев, Сергей Бомштейн

Телефон редакции

928-81-88

© «Независимая газета»